

И. В. Синова

**ДЕТИ ТРУДЯЩЕГОСЯ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДСКОМ СОЦИУМЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.**

УДК 94(470.23-25)"18/19"

ББК 63.3(2-2СПб)53

На основе архивных документов, материалов периодической печати и публицистики в статье анализируется положение детей трудящегося населения в городском социуме во второй половине XIX — начале XX вв. на примере столицы Российской империи Санкт-Петербурге в контексте исторической антропологии. Показано, что процессы модернизации и одновременно развитие социальных проблем имели опережающие темпы и значительные масштабы и, как следствие, накладывали свой отпечаток на повседневную жизнь. Историко-антропологический подход способствовал изучению социализации детей не только с учетом словесной принадлежности, но и в зависимости от семейного положения, рода занятий и гендерного признака. В статье проанализированы роль и место ремесленных мастерских как в получении профессионального образования, так и в формировании жизненных принципов и понятий у подростков; особенности повседневной жизни учеников, которые проявлялись в отсутствии полной свободы в действиях и поступках, а также в строгой регламентации и зависимости их быта, образа жизни и досуга от хозяев мастерских. На конкретных фактах и примерах показано, что дети трудящегося населения рано становились взрослыми; многие были вынуждены самостоятельно решать вопросы своей жизнедеятельности, испытывали лишения в быту, питании, одежде, ограничения в получении образования, а следовательно, их социализация проходила ускоренно и в подавляющем большинстве они не имели перспектив для социальной мобильности.

Ключевые слова: *дети, семья, повседневная жизнь, девиантное поведение, городской социум, социализация, габитус, маргинальность, историческая антропология*

Неравномерность протекания социальных, экономических и демографических процессов в разных регионах России во второй половине XIX — начале XX вв. было обусловлена цивилизационной неоднородностью России. Модернизационные процессы и одновременно рост социальных проблемы в Санкт-Петербурге как столице империи имели опережающие темпы и значительные масштабы и, как следствие, накладывали свой отпечаток на повседневную жизнь горожан.

За XIX столетие число жителей Санкт-Петербурга выросло в 6 раз.¹ Доля трудящегося населения составляла более 80 % от общей численности жителей города. К трудящемуся населению в соответствии с особенностями столичного социума и его эволюции, с учетом статистических сведений и данных этносоциаль-

ных исследований структуры населения² отнесены следующие социально-профессиональные группы: работники обслуживающего труда (прислуга, приказчики, извозчики, прачки, работники в трактирах, гостиницах и т. д.); фабрично-заводские и железнодорожные рабочие; ремесленники; торговцы.

В Санкт-Петербургской губернии к 1912 г. доля детей и подростков в возрасте от 10 до 19 лет составляла 18,1 % от общей численности населения.³ Согласно статистическим сведениям, подавляющее большинство детей по сословию и званию принадлежали к трудящемуся населению: это были мещане (25,8 % — мальчики; 26,1 % — девочки), крестьяне (соответственно, 35,6 % и 32,4 %) и нижние чины (23,4 % и 24,8 %). Доля детей других сословий составляла среди мальчиков 9 %, среди девочек — 5,2 %, а детей дворян и чиновников — соответственно 4,6 % и 3,4 %.⁴ Эти данные

¹ См.: Губерт В. О., Дембо Г. И. Деятельность общества охранения народного здоровья по борьбе с жилищной нуждой в Санкт-Петербурге: докл., прочит. в соединённом заседании всех отд. О.О.Н.З. 26-го янв. 1909 г., СПб., 1910. С. 6.

² См.: Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга, вторая половина XIX — нач. XX в.: стат. анализ. Л., 1984.

³ См.: Статистический ежегодник России 1912 г. (год девятый). СПб., 1913. С. 79.

⁴ См.: Статистический ежегодник Санкт-Петербурга. Материалы по статистике СПб. Год первый. 1881. СПб., 1882. С. 133, 134.

вызывают необходимость реконструкции особенностей общества с учетом детского фактора, который часто влияет на общую картину. Изучение же истории детства преимущественно связано с дворянским сословием,⁵ гораздо реже — с купеческим⁶ и крестьянским.⁷

Французский историк А. Бюргер среди направлений исторической антропологии выделил социальную антропологию, в рамках которой исследуются семейные и родственные структуры.⁸ Микроисторический подход позволяет реконструировать городскую детскую повседневность, присмотреться к поведению отдельных детей и подростков в разных жизненных ситуациях и условиях, а также выявить региональные различия и многообразие поступков объектов исследования.

Определенный интерес для историков в исследованиях, связанных с повседневной жизнью, представляют работы французского социолога П. Бурдьё, который описывает социальные отношения на уровне индивида при помощи понятия «габитус». Оно включает совокупность схем восприятия, мышления и поведения, воспроизводимых социальной группой, опираясь на которые индивид выбирает ту или иную стратегию поведения, отвечающую сложившимся жизненным обстоятельствам. Важнейшим в теории Бурдьё является положение о том, что индивид может как сознательно воздействовать на габитус, так и своим габитусом формировать структуру об-

щества. Некоторые социальные среды делают это активнее, чем другие. К ним относятся дети, поскольку детство — период, когда происходит овладение основными социальными нормами и требованиями, и, соответственно, условия жизни влияют на формирование габитуса, который остается с индивидом всю оставшуюся жизнь. Анализ поступков, поведения и повседневной жизни детей трудящегося населения на основе теории Бурдьё способствует пониманию алгоритма жизнедеятельности данной категории в составе социума.

Принципы и понятия, усвоенные в детстве, определяют дальнейшее существование человека. Поэтому социальное происхождение всегда составляет основу габитуса индивида. Однако у людей разные способности и возможности в деле извлечения пользы из социального опыта, полученного в годы взросления, а также в освоении нового в ситуациях, в которых они оказываются. Индивиды с разным социальным происхождением имеют разные возможности для развития нового габитуса и освоения нового опыта.

Антропологический подход к исследованию повседневной жизни позволяет рассматривать ее не только как «обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле; эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей»,⁹ но и как влияние практик повседневности на процесс социализации детей.

Вопросы повседневности в разные исторические периоды привлекали внимание современных историков, но при всей разноплановости и многообразии подходов практически отсутствуют исследования, посвященные детям трудящегося населения. Исследование детства невозможно без рассмотрения семейных ценностей, а следовательно, и повседневной жизни, которая является одним из важнейших индикаторов в целом ситуации в государстве.

При исследовании повседневной жизни детей особый интерес представляет взаимодействие стереотипного и индивидуального, сочетание анализа массовых феноменов с анализом индивидуального поведения людей. Ребенок в процессе своего развития постепенно усваивает правила и нормы общественного

⁵ См.: Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: Антропология женской дворянской повседневности в России XVIII — середины XIX в. СПб., 2009; Веремко В. А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX — начало XX в.). СПб., 2015; Она же. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX — начала XX в.). СПб., 2009; Она же. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX — начало XX вв. // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 4. История. № 3. С. 18–31; Она же. Религиозное воспитание детей в дворянских семьях России во второй половине XIX — начале XX вв. // Петерб. ист. журн. 2015. № 2. С. 100–116; Мицюк Н. А. «Образование не для одной только гостиной». Феномен провинциальных женских пансионов // Женщина в российском обществе. 2012. № 2. С. 3–10; Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина. СПб., 2001 и др.

⁶ См.: Брянцев М. В. Культура русского купечества. Воспитание и образование. Брянск, 1999; Гончаров Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX — начала XX в. М., 2001; Федосеева И. А. Подходы к воспитанию в купеческих семьях: гендерный аспект // Среднее профессиональное образование. 2012. № 12. С. 59–61; и др.

⁷ См.: Мухина З. З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М., 2012 и др.

⁸ См.: Бюргер А. Историческая антропология и Школа «Аналов» // Антропологическая история: Подходы и проблемы: материалы рос.-фр. науч. семинара. М., 2000. Ч. 2. С. 11.

⁹ Пушкарёва Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Социальная история: ежегодник. 2007. С. 176.

поведения, его личность социализируется, институционализируется, включается в социум. Безусловно, в различные исторические периоды этот процесс имеет свои особенности.

В городском социуме повседневная жизнь детей различалась по сословной принадлежности, зависела от семейного положения, рода занятий родителей и гендерного признака. Она включала жилищно-бытовые условия жизни в семье, в ремесленных мастерских, благотворительных заведениях, одежду, питание, поощрение и наказание детей, их досуг (включая детские девиации, такие как пьянство).

Для повседневной жизни детей трудящегося населения была характерна дихотомия, т. е. они являлись одновременно объектами и субъектами общественной жизни. С одной стороны, дети в правовом отношении были несамостоятельными объектами: они подчинялись воле родителей и опекунов, которые не только воспитывали их и отвечали за них, но и распоряжались их жизнью, состоянием и вплоть до 21 года решали вопрос о вступлении в брак. С другой стороны, в соответствии с социальными условиями и законодательством дети уже как субъекты права обладали определенной самостоятельностью: с 10 лет, а позднее с 12, им разрешалось работать, т. е. они содержали себя и несли ответственность в рамках своей трудовой деятельности; с 10 лет дети подвергались наказанию за совершенные правонарушения; с 16 лет девочек, занимавшихся проституцией, регистрировали во Врачебно-полицейском комитете. Все эти факторы тоже оказывали влияние на повседневную жизнь, а следовательно, и на формирование габитуса.

Из-за низкого уровня грамотности подавляющего большинства населения страны (за исключением дворянства и духовенства) и слабого развития общественных институтов воздействия на социализацию личности ребенка в значительной степени формировали, прямо или косвенно, стереотипы и повседневные практики родителей. С раннего детства ребенок усваивал язык и веру, их нормы поведения, образ мышления, социальные установки, систему ценностей, особенности быта. Но в то же время семья не была автономной: она испытывала влияние всего общества, и характер отношений внутри семьи накладывал на детей определенный отпечаток.

С 1890 по 1900 гг. жизнь в Петербурге стала дороже на 30–35 %. «Бедность растет не по дням, а по часам, растет и влечет за собою всех

своих страшных спутников — невежество и нужду, порок и болезнь, разврат и преступление, из которых всё крепче слагается деморализация общественного быта и жалкое наследство будущему поколению».¹⁰ К 1909 г. произошло еще более резкое увеличение цен на жилье и на все товары первой необходимости.¹¹ Это заставляло трудящееся население ограничивать свои потребности, чтобы хоть как-нибудь свести концы с концами. Удорожание жизни, постоянная борьба за существование нередко заставляли родителей нищенствовать, а следовательно, и детей идти по тому же пути. По данным, приведенным на I Всероссийском съезде по семейному воспитанию в 1913 г. «32 % детей питаются еле-еле и 52,7 % недоедают».¹²

Социально-экономические условия жизни семьи влияли на процесс социализации детей трудящегося населения, который являлся многомерным и разнонаправленным. Семья как первичный и основной агент социализации в начале XX в. фактически уступила место «улице». А. Колобов отмечал, что «в низших слоях общества; тут и отец, и мать вынуждены зарабатывать себе хлеб вне дома и оставлять детей без присмотра на произвол судьбы... Двор и улица заменяют для них семью и школу».¹³

Город создавал ряд условий, крайне неблагоприятных для того, чтобы ребенок остался в рядах здоровых членов общества. П. Обнинский писал: «Улица и уличные товарищи, трактиры, чайные, выпуски полутрамотных рассказов о различных героях преступного мира, продаваемые по доступной цене во всех углах, наконец, азартные игры, бильярд и т. д. довершают в отрицательном смысле то дело, которое не выполняет семья».¹⁴

Отсутствие родителей, их внимания и заботы заставляло детей рано взрослеть, становиться самостоятельными, рано начинать зарабатывать себе на жизнь, добывать пищу, искать ночлег, приспосабливаться к окружающему миру, порой жестокому и безжалостному, получать опыт выживания.

¹⁰ Отчет II съезда по техническому и ремесленному образованию в России // Вест. благотворительности. 1897. № 12. С. 11.

¹¹ См.: Чериковер С. Петербург. М., 1909. С. 110.

¹² Труды I Всероссийского съезда по семейному воспитанию. Петербург, 30 декабря 1912 г. — 6 января 1913 г.: в 2 т. СПб., 1914. Т. 1. С. 413.

¹³ Колобов А. О задачах попечительства о малолетних, живущих личным трудом // Призрение и благотворительность в России. 1913. № 8. С. 29, 30.

¹⁴ Обнинский П. Принципиальное условие в защиту страждущего детства // Вестн. воспитания. 1893. № 5. С. 103.

На заседании секции ремесленного ученичества в мастерских II съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию с 1898 г. отмечали, что «в настоящее время не многие дети знают, что такое радости, веселье, резвость, наслаждение: не многие живут действительно по-детски... Не многие умеют играть, как играли в старину. “Наши дети не имеют времени быть детьми”: они должны работать ... многие учащиеся до того устают, переутомляются от умственного труда, что не только теряют аппетит, но даже теряют сон — “отвыкают от сна”...»¹⁵

Исследование влияния городского российского социума на формирование габитуса в детском возрасте подтверждает идеи социальных антропологов о том, что склонность к агрессии не передается по наследству, а формируется в процессе воспитания, т. е. отражает культурный опыт конкретной социальной среды, ее религиозные и идеологические установки. С их точки зрения, не существует никакой связи между различными историческими формами насилия, поскольку каждая из них порождалась своим специфическим социальным контекстом.

Нередко дети содержали своих родителей, зарабатывая деньги прошением милостыни, так как ребенку из жалости подавали с большей охотой. В письме пристава Литейной части от 5 марта 1884 г. говорилось: «Сего числа в трактире по Фонтанке под № 40 к жителю Санкт-Петербурга мещанину Петру Андрееву обратился 11-летний мальчик, назвавшийся сыном коллежского секретаря Николаем Протопоповым, прося милостыню и предоставив при этом просительное письмо. <...> При этом отец был пособником и руководил прошением милостыни».¹⁶ Жители столицы, замеченные в таких поступках, часто подвергались высылке из города. Эксплуатация детей не ограничивалась только сферой труда: она наносила еще и вред их здоровью и воспитанию.

Специалисты отмечали, что жилищные условия влияли на нравственность подрастающего поколения, поскольку «нигде, конечно, не происходит такого тесного соприкосновения полов, как среди бедноты. В единственной комнате избы набита не только вся громадная семья, но даже в зимнее время и домашние животные. Еще хуже в городских угловых кварти-

рах, ночлежках и труппах. В избе спят вместе хоть родственные люди, одной и той же семьи. В углах совершенно различные, друг другу чуждые, пришлые элементы. Нигде не может быть легче девушке дойти до падения, как в такой обстановке. Дети и подростки тут знают всё и видят всё. Отношение полов иллюстрируется перед ними часто и откровенно. Самые несдержанные бесчинства разврата проходят как нечто привычное и нормальное. Ничего нет удивительного, что девушка, почти ребенок, взросшая в такой среде, скоро совершенно сливается с общим течением этого грязного, зловонного потока».¹⁷ Такой быт и в целом городской социум с ранних лет демонстрировали детям безысходность, обреченность и фатальность их жизни, снижали их стремление вырваться из порочного круга и способствовали формированию девиантного поведения.

Тысячи горожан, включая детей, находили приют в ночлежных домах. В романе «Петербургские труппы» писатель В. В. Крестовский описал малолетнюю проститутку по прозвищу Крыса, которая не знала ни своей матери, ни своего имени, ни своего возраста: «... какая голодная алчность светится в этих лихорадочно горящих запалых глазах... и сколько, наконец, беспощадной озлобленности — озлобленности вполне ненормальной, неестественной в столь раннем возрасте — сказывается в общем выражении всей ее физиономии! И здесь уже разврат успел наложить свое неизгладимое клеймо на это детское личико, которое можно бы было назвать прекрасным, если бы не это выражение».¹⁸ Судьба этой девочки являлась типичной не только для обитателей Вяземского дома — трупп на Сенной площади, но и для многих детей столицы, лишенных заботы, воспитания и образования, соприкасавшихся в процессе социализации с негативными образцами поведения, подвергавшихся постоянному унижению, более того, не имевших возможности для удовлетворения своих первичных потребностей в пище, одежде и жилье и вынужденных из-за этого торговать собой. Безусловно обстановка не могла не отражаться на нравственных качествах и здоровье подрастающего поколения.

Анализируя общественное развитие, юрист М. Н. Гернет отмечал, что «грязные улицы

¹⁵ 2-й съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России 1895–96. XIV секция — ремесленного ученичества в мастерских. СПб., 1898. С. 128.

¹⁶ ЦГИА. Ф. 965. Оп. 1. Д. 17. Л. 12.

¹⁷ Бентовин Б. Торгующие телом. (Очерки столичной проституции) // Русское богатство. 1904. № 11. С. 99.

¹⁸ Крестовский В. В. Петербургские труппы. Книга о сытых и голодных: в 2-х т. М., 1994. Т. 2. С. 277–278.

бедных кварталов, где играет ... ребенок, не дают ему ничего нового, чего он не видел бы у себя дома, а богатые роскошные улицы только ещё ярче и сильнее дают чувствовать сознанию подрастающего пролетария всю пропасть между его положением и классом богатых, показывая, как много всего есть у других и ничего у него самого, кроме рук для постоянной работы, не всегда достаточно сильных и здоровых и не всегда находящих занятие. Нет ничего удивительного, что этот ребенок, выросший среди дурных примеров скверных жилищ, пойдет по пути преступления, будет пьянствовать, устраивать драки, красть и пр.»¹⁹ Безусловно, такой быт с ранних лет демонстрировал детям безысходность их жизни и являлся тем габитусом, который приводил к безразличию и порочности.

Ф. М. Достоевский, с обостренной чуткостью относившийся к страданиям ни в чем не повинной детской души, писал о жизни детей в столице: «Да, эти детские души видели мрачные картины и привыкли к сильным впечатлениям, которые и останутся при них, конечно, навеки и будут сниться им всю жизнь в страшных снах».²⁰ «Я узнавал, — говорит герой его романа «Преступление и наказание» Родион Раскольников, — где живут эти матери и в какой обстановке; там детям нельзя оставаться детьми, там семилетний уже развратен и вор».²¹ И эти факты из литературного произведения в полном объеме отражали темные стороны столичной жизни.

Ремесленные мастерские занимали особое место не только в профессиональном образовании подростков, но и в формировании их жизненных принципов и понятий. К концу XIX в. в России насчитывалось около 80 тысяч ремесленных заведений (не считая мелких). Только в Санкт-Петербурге к 1899 г. число учеников достигло почти 18 тысяч.²² Народ прозвал учеников ремесленных мастерских «халатниками», вероятно, потому, что и летом, и зимой почти весь их костюм составлял один и тот же синий полосатый халат. Особенностью повседневной жизни учеников была ее строгая регла-

ментация и зависимость их быта, образа жизни и досуга от хозяев мастерских. В условиях городского ученичества подросток оказывался вырванным из привычной детской повседневности и в одночасье попадал в повседневность взрослую, результатом чего являлась ускоренная социализация, т. е. преждевременное освоение социальных ролей взрослого человека, а соответственно, и различного рода девиаций.

Каждую осень в Санкт-Петербург привозили сотни детей для продажи в ремесленные и торговые заведения. За несколько рублей хозяева мастерских приобретали учеников как дешевую рабочую силу, взамен они должны были их кормить, одевать и учить. Петербургский писатель и журналист XIX в. М. А. Круковский в рассказе «Приключения Сеньки» описал историю крестьянского мальчика, которого отец, несмотря на возражения матери, продал в Петербург за 5 рублей: «У крестьян Олонецкого края во многих прионежских деревушках существует неразумный, бессердечный обычай без особой нужды посылать детей в Петербург и отдавать их мелким торговцам в услужение, “в обучение”, как говорит темный люд. Каждую зиму сотни мальчиков увозятся из разных глухих углов в Петербург и навсегда отрываются от полей».²³ Мужчина, занимавшийся увозом детей из деревни, в столице продал мальчика в овощную лавку уже за 15 рублей. Там «ученика» несколько раз избили, что в конечном итоге закончилось побегом от хозяина. Вряд ли родители, отдавая своего ребенка, предполагали всю тяжесть его будущего положения. Вряд ли в таких условиях и в таком окружении мог сформироваться полноценный член общества, способный принимать самостоятельные решения и обладающий личным достоинством.

Вопрос об употреблении алкоголя крайне остро стоял среди учеников ремесленных мастерских, на него систематически обращали внимание общественность и педагоги. В отчете Санкт-Петербургского общества воспитательно-исправительных приютов за 1911 г. так описывается положение дел: «таблицы о семейном положении, род занятий воспитанников и их родителей, показывают, что главный контингент поступающих — дети города, дети улицы, выросшие под слабым присмотром одного отца или одной матери, а, в сущности, без всякого присмотра, так как отец или мать

¹⁹ Гернет М. Н. Общественные причины преступности. Социалистическое направление в науке уголовного права. М., 1906. С. 155.

²⁰ Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1876 г. // Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 13. СПб., 1994. С. 214.

²¹ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 1995. С. 235.

²² См.: Дембо Г. И. Вопросы охранения здоровья малолетних ремесленников: сообщ. д-ра Г. И. Дембо IV отд. Рус. о-ва охранения народного здравия 8 апреля 1900 г. СПб., 1901. С. 1.

²³ Цит по: Губерт В. О., Дембо Г. И. Указ. соч. С. 2.

должны ради заработка на весь день оставлять мальчика одного. К 12-ти, 13-ти годам родители стараются спихнуть мальчика куда-нибудь «с хлеба», и живут они случайным заработком, на фабриках, заводах, в чайных, мелочных лавках и т. п. заведениях. Очень многие из них судились два и более раза, бывали в частях и участках, ночевали в ночлежках, а чайные были местом праздного времяпрепровождения, где сходились с ворами и воришками; отсюда не далеко и до воровства. В таких условиях вырабатываются у мальчика антиобщественность, распушенность и неряшливость. Попадая в приют, такой малолетний не может привыкнуть скоро к другой обстановке и новым требованиям: распушенность внутренняя и наружная, неряшливость, беспричинная порча вещей и обстановки — вот главные пороки и проступки воспитанников».²⁴ Мировой судья отмечал, что обществу, чтобы спасти малолетних от развращения, необходимо, прежде всего, бороться с состоянием беспризорности, так как «создается преступность малолетних в больших городах, где дороговизна жизни и условия работы требуют, чтобы все способные работать и добывать деньги с утра и до вечера находились вне дома, вне семьи, в полной невозможности хотя бы даже осведомиться — где находятся дети, не могущие работать, что они делают, чем заняты и с кем они водятся».²⁵

Городской социум, и в особенности столичный, в рассматриваемый период негативно влиял на процесс социализации, который приводил к отклонениям в поведении детей и подростков. В трудах съезда по семейному воспитанию приводится рассказ о малолетних ворах-удильщиках, вытаскивавших монеты «из церковных и благотворительных кружек. Делается это обычно в сильные морозы. Воришка подходит к кружке и перекрестясь опускает туда не монету, а удочку — деревянную или проволочную палочку с кистью из бумажных ниток, смоченных предварительно водою, затем воришка на некоторое время отходил, а через несколько минут вновь возвращался, осторожно вытаскивает удочку, на конце которой за это время примерзло несколько монет».²⁶ Данный факт вряд ли мог

иметь место в сельской местности. Он свидетельствует не только о правонарушении детей, но и об их кощунственном отношении к Церкви. В отличие от города, в деревне девиантное поведение детей встречалось крайне редко, хотя бы потому, что украсть что-либо было трудно и сбыть некуда, не говоря уже о других его проявлениях, таких как нищенство и проституция. Поэтому «в деревне если и бывают детские кражи, то они ограничиваются походами на огороды за огурцами, репой или горохом».²⁷

В конце XIX в., после появления кинематографа, общественность увидела в нем главную причину негативного влияния на подрастающее поколение. Прямо или косвенно кинематограф привлекал к себе множество детей, как отмечали специалисты, «яркостью, блеском и движением» фильмы «быстро и неудержимо отравляют юные души, сея в них темноту и хаос, толкая их подчас на преступления. Отравы здесь преподносится в такой привлекательной форме, что юные зрители в восторге».²⁸

Среди учащихся школ было проведено анкетирование, целью которого было выяснить, является ли кинематограф фактором, вредно влияющим на детскую душу, фактором детской испорченности и преступности. В анкете выясняли, что является более предпочтительным — интересная книга и кинематограф. Среди опрошенных 54,3 % высказались за книгу, 40,9 % — решительно за кинематограф и 4,8 % — за то и другое.²⁹

Детские правонарушения, такие как кражи и попрошайничество, часто стали совершаться для того, чтобы попасть в электрический театр, или «электричку». Дети с начала XX в. увлеклись кинематографом настолько, что ради его посещения с легкостью переходили ту грань, которая отделяла дозволенное от недозволенного, легальное от уголовно-запрещенного.

В «Журнале уголовного права и процесса» описывается случай, когда ученик ремесленной мастерской совершил преступление из желания посетить кинематограф. «Шел он в праздник из мастерской домой на побывку. Встретились товарищи и позвали в кинематограф. Денег не было. Он взял тайком у жильца серебряные часы и продал их за рубль. Всею компаниею пошли в театр и наслаждались там одними и

²⁴ РГИА. Ф. 1288. Оп. 14. Д. 181а. Л. 195–195 об.

²⁵ Дриль Д. А. Тюрьма и принудительное воспитание // Журн. М-ва юстиции. 1900. № 4. С. 23.

²⁶ Труды I Всероссийского съезда по семейному воспитанию. Т. 1. С. 528.

²⁷ Там же. С. 528.

²⁸ Зак А. Кинематограф и детская преступность // Журнал уголовного права и процесса. 1913. № 4. С. 27.

²⁹ Там же. С. 17.

теми же картинками с 2-х часов дня до 11 часов вечера. В антрактах ели шоколад. Праздник вышел веселый на славу».³⁰ В данном случае правонарушение было совершено с целью разнообразить свою тяжелую жизнь, получить эмоциональную разрядку и новые впечатления, хотя в конечном итоге это не является ни в коей мере оправданием. Подростки не имели условий для полноценного досуга в кругу семьи, за чтением книги, так как многие были безграмотными, они проникали разными путями в кинематограф, который привлекал своей новизной, динамикой, эмоциями, красочностью.

Взрослые осознавали, что «ребенок, чтобы вступить в жизненную борьбу вполне самостоятельно, нуждается в определенной помощи со стороны своих воспитателей: 1. в питании и телесном уходе; 2. в элементарных сведениях, почерпаемых в школе; 3. в моральном воспитании, имеющем целью научить его различать добро и зло, воспитать в нем сознание известных обязанностей и ответственность перед законом и собственным сознанием».³¹ Но от осознания проблем до из практического решения существовала огромная пропасть.

На повседневную жизнь детей трудящегося населения во второй половине XIX — начале XX вв. оказывали влияние такие факторы, как социально-экономическое развитие Санкт-Петербурга, социальный статус, бытовые условия

и уровень материального благосостояния семьи, быстрый рост численности городского населения, прежде всего за счет интенсивной миграции из деревни. Поэтому повседневность формировалась не столько под воздействием столичного блеска, близости императорской семьи и образцов поведения и быта дворянского сословия, сколько под влиянием, с одной стороны, крестьянских практик, которые прочно укоренились в менталитете и образе жизни детей и подростков, а с другой — стремление приобщиться к городскому социуму, перенять формы проведения досуга, характерные для взрослых.

Дети трудящегося населения являлись заложниками неустроенности и бедности семьи, порой нищенства и маргинальности. Они рано становились взрослыми, были вынуждены решать отнюдь не детские проблемы, в большей степени страдали от безысходности, испытывали лишения в быту, питании, одежде, ограничения в получении образования, а следовательно, проходили ускоренный процесс социализации и в подавляющем большинстве не имели перспектив для социальной мобильности. Историко-антропологический подход к исследованию истории детства помогает увидеть порой неожиданные и незаметные явления детской повседневности и по-новому взглянуть на социальные проблемы.

Irina V. Sinova

Doctor of Historical Sciences, Saint-Petersburg State Economics (Russia, St. Petersburg)

E-mail: s-irina@yandex.ru

WORKING CLASS CHILDREN IN URBAN SOCIETY OF THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Based on archive documents, media publications and political essays the author studied the position of the working class children in urban society of the late 19th – early 20th centuries using the capital of the Russian Empire St. Petersburg as an example within the historical anthropology context. It was demonstrated that fast and large scale modernization processes and the accompanying social problems build-up had a significant influence on everyday life of the population. The historical and anthropological approach offered an opportunity to study children's socialization patterns depending on their family status, occupation and gender characteristics in addition to their estate status. The article analyzed the role and place of trade shops both in providing vocational training, and in the formation of basic life principles and ideas in groups of teenagers; the specifics of everyday life of apprentices, which were characterized by the lack of complete freedom in their actions and behavior, as well as strict regulations and dependence of their daily rounds, way of life and leisure activities on the shop owners. Using specific facts and case studies the author demonstrated that working class children grew up quickly, many of them had to make important decisions about their life independently, experienced hardships in everyday life, suffered from scarcity of food and

³⁰ Там же. С. 23.

³¹ Рубашёва А. Особые суды для малолетних и система борьбы с детской преступностью. Т. 1. М., 1912. С. 19.

clothes; had limited access to education and, hence, their socialization was accelerated and in most cases they were deprived of any social mobility prospects.

Keywords: *children, family, everyday life, deviant behavior, city society, socialization, забумус, marginality, historical anthropology*

REFERENCES

- Belova A. V. «*Chetyre vozrasta zhenshchiny*»: *Antropologiya zhenskoy dvoryanskoy povsednevnosti v Rossii XVIII – serediny XIX v.* [“Four age of the woman”: Anthropology of female nobility everyday life in Russia of the 18th – middle 19th centuries]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2009. 530 p. (in Russ.).
- Bryantsev M. V. *Kultura russkogo kupechestva. Vospitanie i obrazovanie* [Culture of the Russian merchants. Upbringing and education]. Bryansk: Kursiv Publ., 1999. 200 p. (in Russ.).
- Byurger A. *Istoricheskaya antropologiya i Shkola «Annalov»* [Historical anthropology and School of “Annals”]. *Antropologicheskaya istoriya: Podkhody i problemy. Materialy rossiysko-frantsuzskogo nauchnogo seminara* [Anthropological history: Approaches and problems. Materials of the Russian-French scientific seminar]. Moscow: RGGU Publ., 2000. Part 2. P. 3–13. (in Russ.).
- Fedoseeva I. A. *Podkhody k vospitaniyu v kupecheskikh semyakh: gendernyy aspekt* [Approaches to education in merchant families: gender aspect]. *Srednee professionalnoe obrazovanie* [Secondary professional education], 2012, no. 12, pp. 59–61. (in Russ.).
- Goncharov Yu. M. *Kupecheskaya semya vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Merchant family of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: IEA RAS Publ., 2001. 244 p. (in Russ.).
- Mitsyuk N. A. «*Obrazovanie ne dlya odnoy tolko gostinoy*». *Fenomen provintsialnykh zhenskikh pansionov* [“Education not for only one drawing room”. Phenomenon of provincial women’s boards]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [The woman in the Russian society]. 2012, no. 2, pp. 3–10. (in Russ.).
- Mukhina Z. Z. *Semeynyy byt i povsednevnost krestyan Kurskoy gubernii: traditsii i dinamika peremen v poreformennoy Rossii* [Family life and everyday life of peasants of the Kursk province: traditions and dynamics of changes in post-reform Russia]. Moscow: IEA RAS Publ., 2012. 242 p. (in Russ.).
- Muraveva O. S. *Kak vospityvali russkogo dvoryanina* [As brought up the Russian nobleman]. St. Petersburg: Neva Publ., 2001. 187 p. (in Russ.).
- Pushkareva N. L. *Predmet i metody izucheniya istorii povsednevnosti* [Subject and methods of studying of everyday life history]. *Sotsialnaya istoriya. Yezhegodnik* [Social history. Year-book], 2007, pp. 171–179. (in Russ.).
- Veremenko V. A. *Deti v dvoryanskikh semyakh Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Children in noble families of Russia (the second half of the 19th – early 20th centuries)] St. Petersburg: LGU Publ., 2015. 204 p. (in Russ.).
- Veremenko V. A. *Dvoryanskaya semya i gosudarstvennaya politika Rossii (vtoraya polovina XIX – nachala XX v.)* [Noble family and state policy of Russia (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. St. Petersburg: Yevropeyskiy dom Publ., 2009. 684 p. (in Russ.).
- Veremenko V. A. *Religioznoe vospitanie detey v dvoryanskikh semyakh Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Religious education of children in noble families of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [St. Petersburg historical magazine], 2015, no. 2, pp. 100–116. (in Russ.).
- Veremenko V. A. *Ukhod za detmi rannego vozrasta v dvoryanskikh semyakh Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Care of children of early age in noble families of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2012, no. 3, vol. 4, *Istoriya*, pp. 18–31. (in Russ.).
- Yukhneva N. V. *Etnicheskiy sostav i etnosotsialnaya struktura naseleniya Peterburga, vtoraya polovina XIX – nach. XX v. Statisticheskiy analiz* [Ethnic composition and ethnosocial structure of the population of St. Petersburg, the second half of 19th – early 20th centuries. Statistical analysis]. Leningrad: Nauka Publ., 1984. 223 p. (in Russ.).